

В. Водовозов

Новая русская литература

**От Жуковского до Гоголя
включительно**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

B11 **В. Водовозов**
Новая русская литература: От Жуковского до Гоголя включительно / В. Водовозов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 402 с.

ISBN 978-5-458-47618-8

1-е издание «Новой русской литературы» вышло в свет в 1866 г., 5-е последнее, пересмотренное самим автором, в 1886 г. 6-е издание, вышедшее в свет в 1895 г. уже после смерти В. И. Водовозова (май 1886 г.) было точной копией 5-го. Данное 7-е издание внесены исправления, цитаты и стихотворения проверены по лучшим изданиям сочинений разбираемых писателей и все хронологические и другие факты проверены по новейшим для того времени источникам. Многие стихотворения классиков, которые были известны В. И. Водовозову в прежней редакции, иногда совершенно неправильной, зависящей либо от ошибочного прочтения рукописей поэтов, либо от искажений ради цензуры (в том числе знаменитый Памятник Пушкина), в новых изданиях сочинений этих писателей появились в новой редакции, иногда сильно отличавшейся от прежней. Благодаря этому, многие цитаты, особенно стихотворные, приведенные в книге В. И. Водовозова, бывшие правильными в то время, когда писалась эта книга, оказались неправильными в настоящее время. Стихотворения (особенно Лермонтова), отнесенные прежними редакторами сочинений писателей, а вслед за ними и В. И. Водовозовым, к одним годам, нередко оказывались переставленными на несколько лет вперед или назад.

ISBN 978-5-458-47618-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жуко́вский *).

Около 1801 года Державинъ, смѣнивъ свою громозвучную лиру на пастушью свирель, воображалъ себѣ Апполона и Дафну на берегахъ Невы и представлялъ:

«Какъ Хариты въ слѣдъ имъ ходятъ
И соборы нѣжныхъ Музъ,
Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
Всилывь Наяды сверхъ Невы,
Плещутъ воды: вѣтры машутъ
Ароматъ на ихъ главы».

*) Жуковскій родился 29-го января 1784 года въ селѣ Мишененскомъ, недалеко отъ уѣзднаго города Тульской губерніи Бѣлева. Онъ сначала развивался посреди женскаго общества родной семьи въ Тулѣ, а окончилъ свое образованіе въ Москвѣ, въ благородномъ университетскомъ пансионѣ (въ 1800 году). По выходѣ изъ училища до 1812 года онъ большую часть времени проводилъ въ селѣ Мишененскомъ и Бѣлевѣ, наслаждаясь сумракомъ дубравъ, деревенской тишиной, мечтая обѣ идеальной любви и дружбѣ; тогда появились его первыя баллады: «Людмила», «Свѣтлана», «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», некоторые переводы изъ Шиллера и патріотическое стихотвореніе: «Пѣснь Барданадъ гробомъ славянъ побѣдителей». Въ 1812 году Жуковскій поступилъ въ Московское ополченіе и, находясь при главной квартирѣ князя Кутузова, сопровождалъ армію до Вильно, где заболѣлъ горячкою, послѣ чего оставилъ службу. Передъ сраженіемъ при Тарутино, у него явилась мысль написать поэму: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ вояковъ». Эта поэма сдѣлала его извѣстнымъ двору; съ 1815 года онъ сначала занимаетъ мѣсто чтеца при императрицѣ Марії Феодоровнѣ, потомъ избранъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ, а по вступленіи на престолъ Николая Павловича назначенъ наставникомъ Государя Наслѣдника (будущаго Императора Александра II). Живя въ Петербургѣ, въ кругу Карамзина, Дмитріева Крылова, Батюшкова, Гнѣдчика, онъ участвовалъ въ образованіи такъ называемаго Аргамасскаго общества молодыхъ литераторовъ (около 1816 года), где болѣею частию добродушно забавлялись надъ приверженцами старой школы Шишкова, составившими «Бесѣду любителей русскаго слова»; но служба при дворѣ скоро исключительно заняла его. Свои новые переводы изъ Шиллера онъ приготовлялъ для великой княгини Александрѣ Феодоровны, а потому издавалъ ихъ въ неболь-

Почти въ то же время въ 1802 году появились слѣдующіе стихи Жуковскаго:

«Уже блѣднѣеть день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стою
Идеть, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

шомъ числѣ экземпляровъ съ надписью: «Для немногихъ». Въ 1821 году онъ первый разъ путешествовалъ съ дворомъ по Европѣ и тогда перевѣлъ пьесы: «Орлеанская Дѣва» (Шиллера), «Пери и Ангель» (Мура) и «Шильонскій узникъ» (Байрона). Въ 1826 году онъ вновьѣздилъ въ Германію, приготовляясь къ новому званію наставника. Въ 1831 году, живи съ дворомъ въ Царскомъ Селѣ, онъ издалъ вмѣсть съ Пушкинымъ «Три стихотворенія на взятіе Варшавы». Въ 1836 году окончена поэма «Ундина». Передъ тѣмъ Жуковскій еще разъѣздилъ въ любимую свою Германію; въ 1837 году онъ совершилъ путешествіе по Россіи, а въ слѣдующемъ году и по всей Европѣ въ свитѣ Наслѣдника. Въ 1841 году, уже 56 лѣтъ отъ роду, получивъ чинъ тайного советника, онъ женился за границею на 19-лѣтней дочери русскаго полковника Рейтерна, постоянно жившаго въ Швейцаріи. Остальную жизнь онъ провелъ въ Германіи и умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1852 г. Въ продолженіи времени съ 1840 г. передѣланы имъ съ цѣмѣцкаго перевода Рюккера: «Наль и Дамалити» и «Рустемъ и Зорабъ», а съ букиньянико-измѣцкаго перевода, нарочно для него приготовленнаго,—греческая поэма Одиссея, вторая часть которой вышла въ 1849 г. Жуковскій всю жизнь отличался мягкимъ, мирнымъ характеромъ, преобладающими чертами котораго были: добродушіе и дѣтская мечтательность. Въ 1824 году онъ писалъ: «Перемѣны пра-
вственной во мнѣ не найдете—тотъ же дитя, житель уединенія. Но теперешняя жизнь остановила меня на одномъ мѣстѣ: я не перемѣнился и не подвинулся впередъ....» Такая неподвижность происходила отъ того, что поэтъ довольствовался своими идеальными вымыслами и не вникалъ глубоко въ окружающую его дѣйствительность. Въ ранней юности онъ мечталъ:

«Быть другомъ мирныхъ сель, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишины
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать»..

Тѣ же мечты и успокоятельныя чувства находимъ у поэта и въ старости: передъ своею свадьбою онъ пишетъ: «Liebe ist stark wie der Tod» (Любовь сильна, какъ смерть).... Какъ эти слова: Liebe и Tod—блзки одно къ другому! На землѣ нѣть счастія безъ любви, но его нѣть также и безъ смерти... Одной душа говоритъ: не покидай меня! Другой душа говоритъ: не уноси меня! Одна даетъ счастію его прелесты; другая даетъ ему его достоинство», и проч. Такъ мысль о смерти примиряется съ любовью въ воображеніи Жуковскаго. Лучшія изданія сочиненій В. А. Жуковскаго: Глазунова, подъ ред. Ефремова, изд. 10-е, въ одномъ томѣ, Спб., 1901; иллюстрированное изданіе Сытина, подъ ред. Алферова, въ двухъ томахъ, Москва, 1903.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезает....
Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сътуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окресть, развесившись, стоять,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спать.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье;
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаний ихъ ловить» и. т. д.

Эти стихи, извѣстные подъ названіемъ: «Сельское кладбище», какъ мы видимъ, отличаются благозвучiemъ, плавностью и мягкостью слога, какихъ никогда не встрѣчаемъ у Державина; кромѣ этого, здѣсь мы находимъ полную стройность и гармонію въ сочетаніи всѣхъ подробностей описанія: представленъ деревенскій вечеръ, шумъ дневной суеты постепенно смолкаетъ, наступившая ночь и тишина застаютъ поэта на сельскомъ кладбищѣ; съ чувствомъ всеобщаго покоя у него естественно соединяется мысль о другомъ, непробудномъ снѣ смерти, и въ противоположность ему онъ изображаетъ мирную картину деревенской жизни, задумываясь вообще надъ судбою поселянина. Мы уже не будемъ говорить о правильности и чистотѣ языка въ приведенномъ нами отрывкѣ: у Жуковскаго невозможны такія выраженія, какъ «соборы Музъ, поющи съ Нимфами» или «вѣты машутъ ароматъ», хотя цъ онъ нерѣдко употребляетъ искусственные обороты въ родѣ: «покой безмолвнаго владычества совы», «стоять окресть» (вместо «кругомъ»), «тихій гласъ денни-

цы», и проч. Но въ этомъ превосходствѣ внѣшней отдѣлки слога еще не заключается главное достоинство стиховъ Жуковскаго. Такая тема, какъ описаніе сельской жизни, очень могла бы дать поводъ къ появленію въ стихахъ разныхъ Нимфъ, Наядъ, Фавновъ, Сатировъ и тому подобныхъ праздныхъ украшеній. Изъ немногихъ строкъ Державина мы уже видимъ, какъ примѣнялись къ дѣлу эти вымыслы классического мѣра: какой бы случай ни выбралъ Державинъ для описанія, ужъ никакъ нельзя при этомъ вообразить Аполлона и Діану, гуляющихъ на берегу Невы, представить, что тутъ же за ними ходятъ Хариты, пѣлою толпою пляшущь Музы и поютъ Нимфы. У насъ вообще не принято на улицахъ ни пѣть, ни плясать, и еще менѣе можно допустить, чтобы публично плескались на Невѣ Наяды. Слѣдовательно, Державинъ бралъ и Аполлона, и Музъ, и Наядъ безъ всякаго отношенія къ содержанію, какъ пустую прикрасу темы, не давшей ему никакой живой мысли. Напротивъ, въ пьесѣ: «Сельское кладбище» безъ всякихъ прикрасъ являются самые обыкновенные предметы: *стада* толпятся надъ рѣкой, поселянинъ идетъ въ свой *шалашъ*, *жуки* жужжитъ, *рога* звенятъ, дикая *сова* притаилась въ башнѣ,—все это обрисовываетъ картину вечера и ночи; далѣе говорится, что черныя *сосны* и *вязы* развѣсились надъ кладбищемъ; въ изображеніе сельской жизни входятъ: крикъ *пѣтуха*, гулъ *роговъ*, щебетанье *ласточки*, трескучій огнь на *дымномъ очагѣ*, *рѣзвыя дѣти*, выбѣгающія лобзать родителей. Мы видимъ, что здѣсь, наоборотъ, всѣ подробности изображенія выходятъ сами собой изъ природы и изъ жизни изображаемаго предмета, а не приданы извнѣ, какъ румянецъ и пышная прическа на двигающейся куклѣ. Такія слова, какъ *жуки*, *сова*, *пѣтухъ* и проч., пожалуй не были бы и допущены въ ложно-классической поэзіи, потому что выражаютъ понятія обыденныя, слѣдовательно, по понятію классиковъ, тривіальныя, неприличныя въ благородномъ слогѣ: поэзія, выйдя въ XVIII вѣкѣ изъ салоновъ маркизы Ментенонъ и тому подобныхъ личностей, допускала въ природѣ только раскрашенныхъ пастушковъ и пастушекъ.

Изъ предыдущаго видно, что главнымъ достоинствомъ Жуковскаго служить *естественность*, полное согласіе изображенія съ природою изображаемаго предмета. Въ этой *естественноти формы*, соотвѣтственной содержанію, заключается *художественность* Жуковскаго. Такое, новое для его времени, понятіе о художественности въ поэзіи явилось у насъ вмѣстѣ съ подра-

жаніемъ англійскимъ и германскимъ поэтамъ новой, такъ называемой романтической школы. До того времени у настъ брали за образецъ Буало, Расина, Корнеля, Жанъ-Батиста Руссо, Кребильона и другихъ французскихъ писателей ложно-классического направлениія. Но элегія «Сельское кладбище» есть переводъ изъ англійского поэта Грея, и въ этомъ отношеніи она имѣть для настъ особенное значеніе: незначительная по своему содержанію и какъ произведеніе второстепенного англійского писателя, она все-таки, въ эпоху своего появленія на русскомъ языку, указывала на то новое художественное направление, которое впослѣдствіи совершиенно сблизило поэзію съ жизнью.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ художественномъ значеніи Жуковскаго, мы разсмотримъ еще двѣ стороны въ его поэзіи, изъ которыхъ одною онъ является подражателемъ Ломоносова и Державина, а другою — подражателемъ нѣмецкихъ поэтовъ особаго направлениія; эти двѣ стороны слѣдующія: старая ложно-классическая форма поэзіи и ложный нѣмецкій романтизмъ.

Жуковскій, начавъ свою литературную дѣятельность переводомъ: «Сельское кладбище», въ пьесахъ своего собственного вымысла не избѣжалъ вліянія старой реторической школы. Мы знаемъ, что онъ провелъ свою юность среди деревенской тишины, въ мирномъ наслажденіи природою, прославляя умѣренность, дружбу, сладкую скорбь, тихіе вздохи и другія нѣжныя ощущенія сердца. По своему природному характеру и воспитанію Жуковскій болѣе всего былъ наклоненъ къ подобнымъ идиллическимъ грезамъ; его сближеніе съ Карамзінымъ и Дмитревымъ, послѣ выхода изъ университетскаго пансиона, могло только содѣйствовать этому настроенію. Между тѣмъ въ тогдашнее время еще всѣхъ плѣнялъ торжественный строй лиры Державина, воспѣвавшаго «треганный штыкъ Россовъ, кровавыя груды тѣль, поля и грады, обращенные въ гробы», или «нѣжныя слезы женъ и дѣтей», сладостные дни покоя «подъ сѣнью кроткою Минервы», смотря по тому, начинали войну, или заключали миръ. Жуковскій также увлекся заманчивой ролью общественного пѣвца въ виду совершившихся тогда на Западѣ великихъ событий; но, вступивъ въ эту совершенно чуждую для него сферу, онъ, конечно, не могъ найти ни новыхъ идей, ни новыхъ выраженій для своей пѣсни: онъ сталъ тѣмъ же Пиндаромъ, какихъ у настъ много народилось въ XVIII столѣтіи, частью вслѣдствіе подра-

жанія французамъ, частью по самому устройству общественной жизни. Идея народнаго пѣвца у Жуковскаго выразилась такъ:

«О радость древнихъ лѣтъ, Баянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями славянъ
И гимнъ тремѣлъ священный».

О Баянѣ изъ «Слова о полку Игоревѣ» мы только и знаемъ, что онъ прославлялъ удалыя дѣла князей Олега Черниговскаго; Всеслава и т. п. Онъ не ополчался арфой, не леталъ предъ строями славянъ и не сочинялъ никакихъ священныхъ гимновъ; все это придумано для красоты слога. Но всѣ подобныя выдумки уже показываютъ, что Жуковскій не понималъ значенія народнаго пѣвца и избралъ очень неудачный образецъ для подражанія, потому что отыскивалъ свои идеи за сѣмь вѣковъ назадъ, когда выше всего ставили воинскую удаль.

Въ 1806—1807 году Жуковскій написалъ много чувствительныхъ пьесъ: «Тоска по миломъ», «Мальвина», «Филалету», «Кѣ Нинѣ», и въ томъ числѣ стихотвореніе: «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей». Бардами назывались въ началѣ среднихъ вѣковъ (со II до XII вѣка по Р. Х.) пѣвцы галловъ и другихъ кельтскихъ народовъ: британцевъ, шотландцевъ и проч. Подобно скальдамъ древнихъ скандинавовъ (норманновъ), они воспѣвали дѣла боговъ и героевъ, преимущественно воинскую удаль, и пользовались благосклонностью князей, которые всю жизнь проводили въ набѣгахъ и опустошеніяхъ. Изъ пѣсень бардовъ, въ новѣйшее время, были собраны немногіе, едва понятные отрывки. Между тѣмъ, когда въ половинѣ XVIII-го вѣка появилось въ Германіи стремленіе къ народности, придумали пѣсни бардовъ, никогда не существовавшихъ у германцевъ, и Клопштокъ, основываясь только на ошибочномъ толкованіи одного мѣста Тацита, сочинялъ такъ называемые *Бардиты* *). Подобный *Бардитъ* представляетъ и стихотвореніе Жуковскаго. Хотя стремленіе къ народности встарину называли

*.) Въ сочиненіи Тацита *Gegmannia* слово *baritus* (обычай поднимать военный крикъ) читали *barditus* (пѣснь бардовъ). На этомъ основаніи Клопштокъ вѣдумалъ воскресить небывалыя пѣсни германскихъ бардовъ. Понятно само собою, что если бы такія пѣсни и действительно существовали, то подражать имъ въ XVIII вѣкѣ было бы величайшою нелѣпостью.

романтизмомъ, но этого рода воинственные пѣсни съ именами бардовъ, скальдовъ и т. п. скорѣе можно отнести къ разряду ложно-классическихъ произведеній: надутость выраженія, искусственно подогрѣтое чувство, холодное резонерство, бѣдность содержанія при наружно-блестящей формѣ, все тотъ же звукъ мечей, тѣ же неистовые вошли браны, какъ предметы пѣснопѣнія,—вотъ общія существенные черты въ пьесахъ того и другого рода; разница здѣсь только въ томъ, что барды и скальды со всѣмъ ихъ причтомъ заняли мѣсто Пиндара, Музъ, Аполлона, Геркулеса, Марса и прочихъ классическихъ названій. Такъ и у Жуковскаго въ стихотвореніи: «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей» галльской пѣвецъ, перенесенный въ славянскія дебри, приглашаетъ воиновъ *ударить въ звонкій щитъ* послѣ битвы, вожечъ *костры дубовъ*, изрыть могильный ровъ и *сложить на щиты* поверженныхъ во прахъ. На его зовъ сходится сонмъ вождей и ратныхъ; передъ ними вѣщий бардъ и на щитахъ страшный рядъ падшихъ въ бою; всѣ, обѣяты думою, оперлись на копья....

«Средь нихъ костерь пылаетъ,
И съ свистомъ горный вѣтеръ ихъ *кудри* воздымаетъ».

Мы видимъ, что всѣ эти громкія фразы чужды всякой истины, потому что ничего подобнаго никогда не случалось въ русскомъ лагерѣ. Дающе пѣвецъ могучими перстами ударяетъ въ струны и величаетъ битву:

«О битвы грозный видъ! смотри, *перунъ* сверкаетъ!
Сѣ личатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей *бой и громъ*;
По шлемамъ звукъ мечей; коней пронзенныхъ ржанье,
И трубъ *стозвучный трескъ*».

Въ этомъ безобразіи кровопролитія встарину находили особынную красоту и величіе.

Менѣе высокопарности въ 'другомъ подобномъ же стихотвореніи Жуковскаго, въ его извѣстной поэмѣ: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Тутъ мы находимъ художественную отдѣлку стиха, какой напрасно было бы искать у Державина и другихъ писателей одѣ; особенная сжатость слога мѣстами придается и силу, и движение мысли, напр.:

«Сокровищъ нѣть у насъ въ домахъ,
Тамъ стрѣлы и кольчуги;

Мы села—въ пепель, грады—въ прахъ,
Въ мечи—серны и плуги».

Нѣтъ сомнінія, что величія события 1812 года затронули патріотическое сердце поэта и возбудили въ немъ жаръ, который отозвался и въ его стихотвореніи; но и тутъ Жуковскій не обошелся безъ реторическихъ украшеній: факты, сами по себѣ выразительные, у него вставлены въ эффектную рамку, которая только затемняетъ ихъ смыслъ; ему еще мало было русскаго народа, напрягавшаго всѣ свои силы въ борьбѣ съ геніальными вождемъ Европы; ему нужны были римскіе Курціи, Муціи, Деціи, за которыми уже совсѣмъ не видѣлось народа.

Въ патріотическомъ одушевлениі Жуковскаго, какъ мы уже замѣтили, много искренняго жару; но надо также знать, на какіе предметы обращено это чувство. Энергическія слова:

«Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!»

— эти слова, выражавшія естественное въ то время ожесточеніе противъ врага - губителя, очень плохо изображали бы русскій патріотизмъ, если бы только ими ограничивалось его выраженіе; мстить за гибель и за брань составляетъ еще общую потребность какъ у разумнаго существа, такъ и у звѣря. Посмотримъ, какъ выражается патріотизмъ у поэта въ его понятіи о родинѣ; Жуковскій такъ представляетъ отчизну:

«Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,

Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,

Что вашу прелестъ замѣнить?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?»

Защищать эти мѣста, освященные дѣтскими воспоминаніями, защищать своихъ родителей, жену, дѣтей и друзей, — вотъ что прежде всего представляется любящему сердцу поэта, какъ долгъ и какъ естественная потребность. Конечно, никто не будетъ оспаривать естественности чувства, которое здѣсь высказалось; но мы также видимъ, что понятіе Жуковскаго о родинѣ вытекаетъ изъ тѣнаго круга личныхъ отношеній: не всякий родился въ деревнѣ и способенъ слишкомъ восхищаться полями, холмами и потоками; многіе съ неудовольствіемъ вспоминаютъ объ играхъ первыхъ лѣтъ, въ которыхъ, при дурномъ направленіи, можетъ быть, только выражалась дѣтская злость, и о первыхъ урокахъ, можетъ быть, неразлучныхъ въ воспоминаніи съ розгою и голоданьемъ: многіе, наконецъ, не имѣютъ ни жены, ни дѣтей. Если бы у человѣка и было все это, то его представленіе о родинѣ все-таки ограничивалось бы очень небольшимъ мѣстомъ: напримѣръ, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, даже не улицею, не домомъ, а квартирой, въ которой мы живемъ съ родителями или съ женой. Но въ цѣльное понятіе о родинѣ входятъ не отдѣльныя лица и не отдѣльныя мѣста, а все общество, среди котораго мыращаемся, весь народъ, сродный съ нами по языку, по природнымъ свойствамъ ума и по многимъ обстоятельствамъ жизни, какъ бы ни было различно положеніе отдѣльныхъ его классовъ. Въ отношеніяхъ нашихъ къ обществу и къ народу, то-есть ко всей землѣ, и высказывается то, что мы называемъ *общественной дѣятельностью*: тутъ мы осуществляемъ или стремимся осуществить начала, добытыя нами путемъ науки, послѣ многихъ опытовъ и наблюдений, нашу любовь къ правдѣ и ненависть къ злу, наши искреннія думы объ общемъ благѣ, — словомъ, весь наши знанія и убѣжденія, которыя настолько имѣютъ цѣну, насколько они честны, чужды мелкаго эгоизма, разумны и, слѣдовательно, дѣйствительно полезны для родного края. У кого нѣтъ такихъ общеполезныхъ знаній и убѣжденій, кто дѣйствуетъ корыстно только для своей личной выгоды, изъ угожденія силъ и богатству, въ томъ не можетъ быть и истиннаго патріотизма. Сказанное нами отчасти выражаетъ и Жуковской въ стихахъ:

«Утѣха—скорби, просьба—дань,
Погибели—спасенье,
Могучему пороку—брانь,

Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ...»

Однако прекрасная мысль, лежащая въ основаніи этихъ стиховъ, высказана очень отвлеченно: Жуковскій все-таки остается при своемъ узкомъ понятіи о родинѣ. Оттого и по поводу своихъ героевъ 1812 года онъ между прочимъ разсуждаетъ, найти ли прекрасная ихъ прахъ, узнаетъ ли, где ихъ могила по ароматной зелени, по сладостной красѣ цвѣтовъ? Онъ заставляетъ этихъ героевъ и въ минуту битвы видѣть образъ незабвенной:

«*Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.*

Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣть на немъ горить:
«*Твоя и за могилой!*»

Въ средніе вѣка, во времена рыцарства, когда, выходя на битву, на самомъ дѣлѣ принимали изъ руки милой оружіе или какой нибудь предметъ на память, подобныя мечты еще имѣли свой смыслъ: обожаніемъ женщины смягчался грубый образъ религіознаго фанатика-рыцаря, хотя въ сущности онъ больше думалъ о грабежѣ, чѣмъ о милой. Но въ наши дни любовь имѣть уже болѣе широкій смыслъ: она заключается не въ одномъ эгоистичномъ обожаніи женщины, и мечты о милой, которые сами по себѣ не представляютъ ничего дурнаго, пугливо прячутся при мысли о бѣдствіи народномъ. Тотъ же, кто равнодушенъ къ такому бѣдствію, вѣрно, не осчастливить и женщины, перенося ея образъ на бранные знамена. Но вникнемъ нѣсколько ближе въ содержаніе поэмы.

Воображая себѣ все тѣхъ же галльскихъ бардовъ, Жуковскій выводить небывалаго пѣвца посреди русскаго стана: въ ночной тишинѣ воины пируютъ, а пѣвецъ провозглашаетъ тосты, причемъ каждый разъ величаетъ предметъ, въ честь которого поднимаетъ кубокъ; каждый разъ воины вторятъ ему четверостишиемъ. Одинъ за другимъ провозглашены слѣдующіе тосты: чадамъ древнихъ лѣтъ (эти чада: Святославъ, Донской, два